

Шахмардан Кусаинов

ШЕЙХИ В ХИКМЕТАХ АХМЕДА ЙАСАВИ

Историческая панорама, присутствующая в хикметах, состоит из сведений о конкретных исторических лицах, религиозных обществах и братствах, а так же из интеллектуально-религиозных идей, начиная со времен первых пророков до времени жизни Ахмеда Йасави. Понятно, что Ахмед Йасави, работая над своим произведением, не ставил перед собой задачу написать исторический труд, как и не пытался предельно просто представить персонажей своего произведения для того, что быть их значение в его размышлениях были поняты всеми современниками и будущими поколениями читателей.

Из всех иранских суфийских шейхов наиболее упоминаемым Ахмедом Йасави является Ал-Хусайн б. Мансур ал-Халладж, родившийся в 875 г. в городе Туре провинции Фарс на юге Ирана. С юных лет он отличался истовой религиозностью, в двенадцать лет стал признанным чтецом Корана. В возрасте двадцати лет был принят в суфийское братство шейха Амра ал-Макки. После паломничества в Мекку Мансур ал-Халладж принимает затворничество и жесткий аскетизм. Достигнув, по его убеждению, состояния близости к Богу, Мансур ал-Халладж отказывается от внешних атрибутов суфиев, начав не принятую в суфийской среде демонстрацию своих идей. Он читает проповеди, в которых призывает искать Бога в своем сердце, за что получает прозвище Халладж ал-асрар (Чесальщик сердца). Его влияние возрастает, что провоцирует противостояние со светскими властями. Мансур ал-Халладж – автор ряда фундаментальных трудов по суфизму, но наиболее известная его сентенция была связана с его высказыванием об Истине. Суфийская традиция сохранила эпизод, в котором Мансур ал-Халладж явился к своему учителю Джунайду со словами: «Ана-л-Хакк (Я – Истина)». Затем эта фраза появилась в его трактате «Китаб ат-тавасин». Его недоброжелателями выражение Ана-л-Хакк переводилось как «Я – Бог», что крайне обострило противостояние Мансура ал-Халладжа с государственной властью и религиозными судьями. В итоге 26 марта 922 г. Мансур ал-Халладж был приговорен к смертной казни и мученически казнен.

Особенностью служения Богу Мансура ал-Халладжа была публичная демонстрация с его стороны страстной любви к Всевышнему Аллаху. Он понимал лю-

бовь в сугубо личностном и экзистенциальном плане, не колеблясь, ставил любовь к Богу даже выше веры (иман), утверждая, что «[Любовь –] это предвечная Божественная милость, без которой вы бы не узнали ни что такое книга, ни что такое вера» [1, с. 610].

Некоторое время Мансур ал-Халладж был связан с шиитским движением зинджей, что впоследствии дало возможность его противникам обвинять его в еретических убеждениях, в частности, в сношениях с исмаилитами. Известна связь Мансура ал-Халладжа с ал-Аширийа, которая просматривается через его ученика Ибн-Хафифа из Шираза, соединившего персидскую аскетическую традицию с элементами ашаритского богословия [2, с. 91]. Ал-Аширийа представляло теологическое, интеллектуальное движение, отличавшееся от каламистов – мутализилитов – более осторожным решением ряда вопросов, специфических для калама: они признавали извечность некоторых божественных атрибутов («атрибутов сущности», таких как знание, воля и т.п.); отрицали «сотворенность» Корана в отношении смысла, выделяя в этой связи «чувственную», «словесно выраженную» речь (калам хисси, калам лафзи) и речь «внутреннюю» (калам нафси); стремились согласовать точки зрения кадаритов джабритов, придерживались концепции касба; признавали возможность «лицезрения» (руйа) праведниками Бога в потустороннем мире, и вместе с тем возможность объяснения этого [3, с. 32].

Существует некоторая привязанность Ахмеда Йасави к Мансуру ал-Халладжу, которая, видимо, связана с чистой идеей мученичества, нежели с теориями ал-Халладжа: «(68:10) Сгоревший Мансур, – драгоценный камень, который необходимо нести на своей шее». И если судить по хикметам, то восприятие Ахмедом Йа-

сави идей ал-Халладжа отражает отчетливую эволюцию. Размышляя над суфийским наследием Мансура ал-Халладжа, Ахмед Йасави ставит перед собой вполне ясную и осмысленную им задачу: «(123:26) Оспорю Мансура нововведение: Я есть Истина».

Вначале Ахмед Йасави был полным сторонником учения Мансура ал-Халладжа, что видно, к примеру, в хикмете № 4 и в хикмете № 16:

4:25. Я в двадцать шесть страстной любовью занят был,

4:26. Особенности облика Мансура озабочен был.

В труде «Китаб ал-тавасин» Мансур Ал-Халладж, иллюстрируя путь идеального суфия к Богу, описывает участь мотылька, который приближается к пламени и в конце концов сгорает в нем, постигая таким образом Реальность Реальностей. Он не стремится к свету, не стремится к теплу и тем не менее бросается в пламя, чтобы никогда уже не вернуться назад и никогда ничего не поведать о реальности – ибо он достиг совершенства. Он описывает три состояния мотылька подлетевшего к свече и сгоревшего в ее пламени: илм ал-йакин, айн ал-йакин и, наконец, хакк ал-йакин.

В хикмете № 1 Ахмед Йасави, казалось бы, воспринимает огонь так как представлял ал-Халладжа, с пристрастием, с чувством обреченности:

1:79. В поиске пламени свечи, участь у мотылька,

1:80. Став искрой пылающей, лечу я.

Исторический сюжет, написанный ходжой Ахмедом Йасави о шейхе Мансуре, приводит к мысли о его противоречивом отношении к Мансуру ал-Халладжу и его идеям. С одной стороны он призывает великого мученика к покаению за свои дерзкие высказывания пред Богом и оспаривает его методы спасения души, с другой – видит притягательный пример для подражания.

Значительное место в хикметах занимает имя шейха Абу Бакр аш-Шибли (ум. в 946 г.). Его образ, прежде всего, связывается ходжой Ахмедом Йасави со скрытыми знаниями, являвшимися для суфиев особой наукой, позволяющей вставшему на суфийский путь к Богу мусульманину скрыться от профанов, то есть лиц, не посвященных в скрытые суфийские знания:

7:42. Подражая Шибли с душой прощался,

7:43. Охмелев от таинственного я, узнав людей и народ, бежал.

Абу Бакр аш-Шибли родился предположительно в Багдаде или в Самаре и имеет иранские, знатные родословные корни из Мавераннахра. Еще молодым человеком он зарекомендовал себя знатоком маликитского права и признанным комментатором и передатчиком хадисов. В какой-то период Абу Бакр аш-Шибли вступает в суфийское братство шейха Джунайда ал-Багдади, который критически относился к излишнему, на его взгляд, проявлению у своего новоявленного послушника любви к Всевышнему Аллаху и его склонности к публичным проповедям.

Абу Бакр аш-Шибли является героем многочисленных ангиографических сочинений, в которых подчеркивается его «опьяненное» состояние, воспринимавшееся как безумие. Он герой и целой ангиографической истории, изложенной Ахмедом Йасави в хикмете № 42:

42:34. Шибли исполнял танец любви, увидев свет,

42:35. Тотчас увидев Мухаммеда, задал вопрос.

42:36. Тяжести мира неся на спинах, закрыв глаза

42:37. Те рабы танцевали и слушали, друзья.

42:38. Шибли, с любовью плача, сказал: Да, Пророк.

Абу Бакр аш-Шибли являлся близ-

ким другом «безумного» шейха Мансура ал-Халладжа. А. Кныш, основываясь на ряде достоверных источников, отмечает, что «...после казни ал-Хумайна б. Мансура ал-Халладжа Абу Бакр аш-Шибли продолжал распространять идеи, схожие с теми, которые проповедовал великий суфийский мученик. Во всяком случае, он продолжал вести себя эксцентрично и с его уст слетало еще немало скандальных изречений» [2, 74]. Намек Ахмеда Йасави на то, что Абу Бакр аш-Шибли тайно разделял идею шейха Мансура ал-Халладжа о возможности применения человеком к себе эпитетов Всевышнего Аллаха, мы находим и вышеприведенном хикмете. К такому выводу можно прийти, если помнить, что Владыка (قوله) является одним из имен Всевышнего Аллаха. Но не следует забывать, что в рассматриваемом хикмете Абу Бакр аш-Шибли задает вопрос пророку Мухаммеду, смысл которого заключен в слове малул (владеть) – قَوْلُهُ , которое можно разбить на два слова: قَوْلُهُ , означающие вопрос: «Что с тобой?». И мы понимаем, что Ахмед Йасави так же задумывался, как и Абу Бакр аш-Шибли, над состоянием и ролью пророка Мухаммеда у трона Всевышнего Бога.

Не называя имен «тайных мужей», перед которыми все суфии, от учеников до шейхов, не являются абсолютно верующими, Ахмед Йасави все же перечисляет ряд имен уважаемых им личностей, которые никак не могут быть теми, кого он относит к категории «тайных»:

73:25. Искренним суфием стал пребывающий в саду Шибли,

73:26. Душу наполнив, преодолел (гневался) Хасан Басри.

73:27. Как Творец, опечалившись, достиг фана Зу-н-Нун Мисри.

Раздельное упоминание ходжой Ахмедом Йасави группы шейхов и неких «тайных мужей» указывает на то, что

он совершенно отчетливо осознавал и принимал различный статус скрытых имамов и суфийских пиров, какие бы максимально лояльные к Пророку сентенции последние ни высказывали или ни проявляли бы самые разнообразные и признанные чудеса. Данный пример свидетельствует, если мы говорим об историческом портрете Ахмеда Йасави, о здравомыслии и лояльности к шиитским ценностям со стороны йасавийского шейха.

А цитата из ташкентского издания хикметов 2008 г. указывает еще на одну тему, которая сближала интересы шейхов аш-Шибли и Ахмеда Йасави:

«Шибли любви эпоху не протяну,

Шибли любовного вращения прощение пришло,

Условие умирающего загробного мира, раскод явлен».

Великий суфийский шейх Абу Йазид ал-Бистами, больше известный как Байазид, родился в г. Бистаме на севере Ирана. Год смерти шейха Абу Йазида известен приблизительно: он умер между 848 г. и 875 г. Дата его рождения не известна. Шейх Байазид один из самых авторитетных мыслителей суфийского мира, его называли Символом суфизма. Особенную славу ему принесли его высказывания взаимоисключающих, парадоксальных идей, касающихся лично его по отношению к Всевышнему Богу. Абу Йазид ал-Бистами является одним из теоретиков суфийского движения, известного как «опьянение», что нашло отражение и в хикметах ходжи Ахмеда Йасави:

43:25. Те, кто не испил капли экстаза любви,

43:26. Те, кто, подобно Байазиду, каждый день не сомневался в самом себе.

В доступных нам источниках нет данных о профессии, позволявшей Байазиду ал-Бистами зарабатывать

себе на пропитание (следует заметить, что не все шейхи отказывались от сугубо мирских профессий, некоторые из них были ремесленниками или вели торговлю в небольших лавочках). Поэтому считаем весьма ценным указание Ахмеда Йасави, из которого следует, что ал-Бистами имел отношение к торговле фруктами:

119:16. Друзья, скажет ли [Бог]: ходжа Моя связь.

119:17. Если как Байазид семьдесят лет буду виноградом торговать.

Вышеприведенная строка № 118:17 замечательна еще тем, что в ней присутствует цифра, позволяющая говорить, что шейх Абу Йазид ал-Бистами прожил не менее семидесяти лет, и, отталкиваясь от нее же, мы можем предположить, что шейх Байазид родился приблизительно около 800 года.

Отношение ходжи Ахмеда Йасави к персонифицированному Символу суфизма выражено в короткой, но ясной фразе: «(65:21) Если влюблен [в Бога], то храни себя как Байазид».

Значительное место в хикметах занимает имя шейха Абу Бакр аш-Шибли (ум. в 946 г.). Его образ, прежде всего, связывается ходжой Ахмеда Йасави со скрытыми знаниями, являвшимися для суфиев особой наукой, позволяющей вставшему на суфийский путь к Богу мусульманину скрыться от профанов, то есть лиц, не посвященных в скрытые суфийские знания

Интересно, что Ахмед Йасави отчетливо понимал, что теории шейха Абу Йазида ал-Бистами трудны для восприятия рядовыми суфиями, не говоря уже о простолюдинах. Впрочем, для него важно его личное отношение к духовному и интеллектуальному наследию Символа суфизма ал-Бистами:

95:45. С душою простившись, настоящие влюбленные о мирском не говорят,

95:46. Страсти душевные умерли, вода – еда, заботы в тебя не въедаются.

95:47. Этому миру несущие пользу, вред не узнают,

95:48. За мирским, являющимся блеском, не гонятся.

95:49. У влюбленного блаженного немало знаков есть,

95:50. Душа и сердце скорбь немало знали,

95:51. Немало скорбящих не увидят [чье] мнение имеют,

95:52. Баязида, каким бы ни был день, сам не продавал.

Указывая: «(74:34) За миром Баязида следуй, проникнув прямо, иди», Ах-

мед Йасави больше обращается к себе лично, особенно если учесть его космическое восхождение, известное по хикметам № 2, 34, 74, 137.

Портреты суфийских шейхов, созданные Ахмедом Йасави, не противоречат историческим сведениям, принятым научным сообществом. Автором всем им преднамеренно дан пафосный акцент. Такая коррекция была логичной, так как йасавийский шейх, как идеолог суфийского братства, иначе не мог воспринимать первые этапы становления исламской истории.

Список использованной литературы:

1. Massignon L. *La passion d'al-Hosyn ibn Mansour Al-Hallai, martyr mystique de l'Islam execute a Bagdad le 26 Mars 922*. 2 vols. Paris, 1922
2. Кныш А. *Мусульманский мистицизм*. - Москва – СПб., 2004.
3. *Ислам. Энциклопедический словарь*. - Москва, 1991.

Аннотация

Автор статьи рассматривает один из малоисследованных аспектов творчества выдающегося представителя суфийской традиции в тюркоязычной литературе Ахмеда Йасави – упоминание в хикметах мусульманских, прежде всего суфийских шейхов. Это имеет важное значение не только для исследования литературного наследия поэта-суфия, но и его религиозных взглядов, источников суфийской традиции.

Ключевые слова: Бистами, Йасави, суфизм, Халладж

Summary

Shahimardan Kusayinov

The sheikhs in khikmets of Akhmed Yasawi.

The article examines the historical themes written by Akhmed Yasawi about great Sufi sheikhs: sheikh Mansur al-Halladj, sheikh Abu Bakr ash-Shibli and sheikh Abu Yazid al-Bistami. Controversial attitude of Akhmed Yasawi towards the ideas of Mansur al-Halladj is analyzed. For instance, he in his own fashion interprets the legend by Mansur al-Halladj about the butterfly (soul of the person), which burns in the flame of the candle (Light of Allah). In the same vein, Akhmed Yasawi critically addresses some theories of sheikh Abu Yazid al-Bistami. Only the ideas of Abu Bakr ash-Shibli are not critically discussed by Akhmed Yasawi. His image is illustrated by Akhmed Yasawi as an example for emulation and calls for assimilation of Sufi knowledge. However, a respectful personal attitude of Akhmed Yasawi in the khikmets towards spiritual and intellectual legacy of all great sheikhs is also found.

Keywords: *al-Bistami, al-Halladj, Sufi sheikhs, Yasawi*

Сведения об авторе:

Шахимардан Кусаинов - кандидат филологических наук, старший преподаватель Казахской национальной Академии искусств им. Т. Жургенева (г. Алматы, Республика Казахстан)